

МЫСЛЬ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОРГАНА ЗАХВАТИЛА НАС ЦЕЛИКОМ

ИЗДАНИЕ «ПРОЛЕТАРИЯ» И ПОИСКИ ТИПОГРАФИИ

Я вернулся из Сибири в Питер к началу VI съезда нашей партии. Велись уже подготовительные работы к съезду, велись они полуконспиративно. Ильич был в подполье, но рука вождя чувствовалась везде и во всем. Тезисы, проекты, резолюции, директивы — все это исходило от Ильича, жившего в то время в сестро-рецком шалаше.

Уже начался съезд, а у партии, кроме популярно-агитационной газеты «Рабочий и солдат», не было еще своего печатного органа. И вот во время заседаний съезда Я. М. Свердлов предлагает мне взять на себя организацию издания Центрального органа. Он рекомендует арендовать большую частную типографию, чтобы выпустить вначале «2—3 номера газеты и не особенно яркого содержания» и уже затем, «обосновавшись» и связавшись с ее рабочими, «начать крыть по-настоящему».

В течение недели я безуспешно пытался найти такую типографию, которая приютила бы наш партийный орган. Я ежедневно совершал обход ряда типографий. Однако никто из владельцев не хотел принимать наш «социальный заказ». Во всех типографиях нам отказывали. И в этих «любезных» отказах всегда звучала нескрываемая классовая неприязнь к нашему начинанию. Тут мы еще раз воочию убедились в правоте утверждений Ильича относительно характера буржуазной свободы печати: свобода-то печати была Временным правительством декларирована, а вот типографии и бумага находились в руках капиталистов, которые даже за плату не хотели печатать большевистской газеты.

Потеряв надежду найти типографию, я предложил Свердлову:

— А что, если мы попытаемся восстановить типографию «Правды» и будем печататься у себя дома?

Яков Михайлович отнесся к предложению хотя и сочувственно, но с присущим этому талантливому организатору нашей партии скепсисом:

— Восстановить-то восстановить, но Центральный-то орган нужен нам сейчас до зарезу!

Все же предложения он не отверг. Взятся переговорить с членами ЦК и при следующей нашей встрече уже принес мне согласие и даже выдал три аршина керенок¹ на восстановительную работу. Помню, с какой радостью я принял это задание. И хотя у меня не было еще никакого готового плана, тем не менее на вопрос Якова Михайловича о плане работ я разразился целым каскадом всяких предложений, из которых, думаю, Яков Михайлович понял только одно — что мысль об организации Центрального органа захватила меня целиком.

Работая в это время по партлинии за Нарвской заставой, я, естественно, оттуда и начал рекрутировать первую восстановительную колонну в составе нескольких наборщиков-ручников, нескольких разборщиков и одного печатника. Через два-три дня уже подобрался штат в 8—10 человек.

ВОССТАНАВЛИВАЕМ СВОЮ ТИПОГРАФИЮ

Приблизительно за неделю до выхода первого номера органа ЦК большевиков «Пролетарий» мы с наборщиками, разборщиками, печатниками и несколькими ремонтными рабочими рано утром, пробравшись через пролом в ограде дома № 40 по Кавалергардской, вошли в разгромленное помещение конторы и типографии «Правды». Мы нашли там полнейший хаос: кассы были выброшены из реалов, шрифт и материал грудями лежал на полу. Кругом разбросаны обрывки рукописей и оттиски гранок. Сверху все покрыто густым слоем пыли и грязи. Одним словом, не производственное предприятие, а «Мамай воевал».

Первым делом мы решили разбиться на бригады и произвести первичную уборку помещения. Работали так до полудня. После полудня мы взялись за приборку и уборку касс в реалы и закончили эту работу лишь к вечеру. Вечером с большой опаской мы решили включить свет. Опасения наши питались тем, что помещение типографии через смежные усадьбы с двух сторон имело соседями корниловские части в составе двух казачьих полков, расквартированных на углу Шпалерной и Кавалергардской.

Квартиранты нижнего этажа дома также не внушали особого доверия. Это все была озлобленная против большевиков гостинодворская публика и обитатели той части петроградских трущоб, откуда еще во времена самодержавия черная сотня рекрутировала своих наемных погромщиков.

Вот почему, посоветовавшись, мы решили электрический свет включить только в наборной, окна которой выходили не на Кавалергардскую улицу. Так мы работали до поздней ночи. Выхо-

¹ Мелкие купюры денежных знаков Временного правительства «керенки» печатались большими неразрезанными листами. *Ред.*

доть из помещения было явно рискованно, поэтому мы тут же все расположились и на ночлег.

На другой день часть рабочих отправилась осматривать наиболее пострадавшие печатные машины. Картина разрушения в печатном цехе была еще более мрачной. Две наши ротационные машины были наполовину разрушены. Юнкера Керенского, руководимые каким-то несомненным «спецом», хорошо выполнили волю пославших их: они пустили ротационные машины на задний ход и переломали зубья у шестерен. Поэтому обе ротации, являвшиеся главным достоянием типографии, приобретенной на собранные питерским пролетариатом в «железный фонд» «Правды» гроши, были окончательно выведены из строя.

На наше счастье, оказалось, что значительная часть плоских машин находилась в удовлетворительном состоянии. Немедленно же закипела ремонтная работа, и к вечеру мы уже могли привести в движение несколько плоских машин.

Весь третий день нашей работы был посвящен разборке шрифта по кассам и разборке ротационных машин. Разборка производилась в ожидании приезда из Финляндии механика-инструктора, которого со дня на день должен был привезти с собой А. В. Шотман.

Все мы работали, совершенно не выходя из помещения, кормились теми тремя буханками хлеба, которые были принесены с собой. Шутя мы называли этот хлеб «хлебом Нового завета». Порции хлеба выдавались каждому работающему не больше тех, какие позже, в дни гражданской войны, мы получали от Наркомпрода. И тем не менее работа спорилась, шла хорошо, настроение у всех было повышенное и необычайно бодрое.

На четвертый день мне пришлось сделать «вылазку», чтобы повидаться с Я. М. Свердловым и получить от него задания по выпуску первого номера «Пролетария» и по другим печатным работам.

Встреча состоялась в помещении издательства «Прибой», во время его переезда в какое-то монастырское подворье. Вообще надо сказать, что это партийное издательство в деле организации Центрального органа играло выдающуюся роль. Оно давало нам денежные средства и не раз выручало и позже, когда нужда стучалась в дверь. Касса издательства всегда была к услугам Центрального органа.

Яков Михайлович передал мне ряд статей Ильича, Сталина, тексты двух воззваний ЦК и ПК и долго допытывался, уверены ли мы, что типография сможет начать регулярный выпуск газеты, сможет ли легально исполнять наши партийные заказы.

Во время этой беседы к Якову Михайловичу пришел Ф. Э. Дзержинский. Из беседы с ним я узнал, что ЦК в это время создавал «юридическое лицо» нашей типографии путем превращения ее в «Товарищество рабочей печати», во главе которого были поставлены Дзержинский и Менжинский.

Нагруженному заказами и снабженному Я. М. Свердловым массой советов по части конспирации (как в доброе старое время), мне предстояло вернуться в нашу формально легальную, а фактически подпольную, типографию. По условиям конспирации возвращаться среди белого дня даже в нашу собственную типографию было нецелесообразно, и я направился в одну из инженерных частей к члену Военной организации большевиков Малыгину, для того чтобы организовать регулярное снабжение работающих в типографии и в походной редакции «Пролетария» провиантом.

Малыгин дал мне несколько буханок хлеба и обещал ежедневно через специально для этого организованную «связь», через охотничью команду полковника И. В. Заплата, охранявшую Таврический дворец, регулярно снабжать нас черным солдатским хлебом. Должен отметить, что Малыгин выполнил свое слово, и мы каждый день получали от него щедрый хлебный рацион.

Приближался выход первого номера газеты «Пролетарий». Все работающие в типографии и я, представлявший в своем лице походную редакцию этой газеты, хотели устроить ЦК «подарок» — выпустить газету не в малом формате, как выпускалась до разгрома «Правда», а в формате «большой» газеты, благо запас рулонной бумаги в типографии имелся значительный. Прибывший незадолго до этого вместе с финляндским монтером Шотман какими-то героическими усилиями и при значительной помощи рабочих петроградских машиностроительных заводов вчерне уже отремонтировал одну из наших ротаций.

ИХ СВОБОДА ПЕЧАТИ...

Мы с волнением ожидали выхода «Пролетария». Накануне этого выхода, поздно вечером, вдруг слышим стук в ворота, шум и крики: «Открывайте, черти полосатые!»

Сговорившись, что я буду изображать «фактора» (нечто среднее между управляющим и старшим наборщиком или старшим метранпажем), мы пошли и открыли ворота. Ввалилась ватага казаков, предводительствуемая подвыпившим штатским, именовавшим себя начальником милиции. Отрекомендовавшись и попутно доложив, что он является членом партии эсеров, этот милицкий начальник вместе с вооруженными казаками ворвался в помещение типографии и стал требовать заведующего. Я заявил, что я являюсь «фактором».

— На кой черт мне фактор? Никакого фактора я не признаю! Подать мне сюда заведующего!

Я еще раз, но уже настойчивее повторил, что я, как фактор, заменяю здесь заведующего типографией, и в свою очередь просил указать, чем мы обязаны такому неожиданному и бурному визиту.

Милицейский начальник, показав ордер на обыск, заявил, что они присланы по указу властей Временного правительства произвести осмотр, что делается в этой «чертовой кухне» (то есть в нашей типографии). Я ответил, что к «чертовой кухне» отношения не имею, а руковожу по наряду своих хозяев работой по приведению в порядок всех цехов разгромленной в июльские дни типографии.

— Хозяев? Это что же — немецкого кайзера?

— Прошу вас выражаться точнее и корректнее, — заявил я ищейке Керенского. — Типография эта принадлежит «Товариществу рабочей печати», предприятию легально действующему, и поэтому я прошу отвести все недостойные намеки насчет связи типографии с кайзером, ибо это затрагивает уже не только политическую честь предприятия, но и честь всех нас, работающих в этой типографии, которые ненавидят империализм и буржуазную власть кайзеровской Германии не менее, чем такую же власть и империализм Франции, Англии и России.

— Да вы же, черт возьми, большевики! — раздраженно заявил ищейка Керенского, и его возглас подхватили казаки наряда.

— Что с ними разговаривать. Обыск! Обыск! Обыск! — завопили они. И все они рассеялись по типографии.

Мы решили не давать «обыскивающим» возможности учинить новый разгром и поэтому следовали за ними по пятам.

Заглянув во все закоулки обеих этажей, обыскивающие потребовали показать им то отделение, в котором «делается» газета, намекая, очевидно, на стереотипную.

Нам стало ясно, что среди обыскивающих нет людей, знающих типографское дело, и поэтому мы решили их провести, не показывая помещения, где подготавливались матрицы и ожидалась отливка стереотипа. Мы провели «гостей» вниз, в печатное отделение, к тискальным станкам, и несколько человек наперебой начали объяснять им процесс «делания» газеты.

Ничего не поняв, обыскивающие еще раз направились вверх, в наборное отделение, и стали шарить по реалам и на столе у метранпажа. Так как все гранки были рассованы и так как на столе у метранпажа стояло только несколько объявлений, то обыскивающие так и не могли установить, что мы подготавливаем выпуск первого номера органа ЦК большевиков «Пролетарий».

Переписав нас всех, они с шумом и ругательствами удалились, обещав в «случае чего» вернуться и «задать жару».

Выждав около часа, не пожалуют ли «гости» вновь, мы приступили к верстке полос первого номера, к читке корректуры, к изготовлению матриц и к отливке стереотипа. Тут же на столе метранпажа я писал недостающие статьи и заметки...

В 3 часа утра мы пустили в ротацию, и... — ура! — через несколько часов еще не зажившие от июльских ран ее пальцы начали сбрасывать свежие номера возродившейся в образе «большой» газеты «Пролетарий» нашей родной «Правды».

В 7 часов утра А. Садовский — член Военной организации большевиков — подал из автопарка бронечастей Временного правительства грузовик. Передав нам мешок с солдатским хлебом, он принял наш ответный подарок партии и петроградскому пролетариату — несколько десятков тысяч экземпляров первого номера «Пролетария».

К 8 часам утра ¹ газета появилась во всех рабочих районах, вызвав своим появлением бурю восторга среди питерских рабочих и солдат и страшный переполох в стане агентов Временного правительства и соглашателей.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957, с. 141—146

¹ 13 августа 1917 г. *Ред.*